

РЕПОРТАЖ

Путешествие в «люстровую»

ПОМНИТЕ, как выглядит зрительный зал Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова? Уютный партер с рядами мягких кресел. Уходящие вглубь полукружия ярус. Их борта отделаны золоченой лепкой, хорошо гармонирующей с голубиной бархатом, которым декорированы ложи. Над всем этим великолепием — шатер потолка, украшенного живописным плафоном. В центре переливается всеми цветами радуги громадная хрустальная люстра, по форме напоминающая перевернутую шалку Мономаха. Над нею в потолке прорезано большое отверстие.

ПРИЗНАЮСЬ: давно мечтал попасть туда и глянуть из отверстия на люстру и зал. Любопытное, должно быть, зрелище!

И вот мечта осуществилась. Вместе с заместителем директора театра П. П. Кондратенко я совершил увлекательное путешествие за кулисы. Переходя с лестницы на лестницу, ширина которых постепенно уменьшалась, а крутизна увеличивалась (казалось, будто пробираемся в толще крепостной стены), мы поднялись выше и выше, пока не оказались перед небольшой обитой железом дверью. «Люстровая» — гласила выведенная на ней надпись.

Дежурный электрик повернул ключ замка. Минувая еще с десяток ступеней, мы очутились в огромном высоком помещении, скудно освещенном несколькими электролампочками. Под нами был зрительный зал. Шел дневной спектакль — два тысячи человек смотрели балет «Бахчисарайский фонтан».

Я огляделся. Обширное пространство пересекали ряды толстых квадратных балок, скрепленных между собой по вертикали крестовинами из бруса.

— Эти оригинальные деревянные фермы высотой в четыре с половиной метра, к которым подвешен потолок зрительного зала, рассчитал и соорудил в 1859 году при постройке театра инженер Гау, — пояснил Павел Петрович. — Их пролет — тридцать три метра, ширина зала. На каждую балку употреблено пятьдесят корабельных сосен, плотно соединенных «в замок» и склеенных. Концы ферм свободно лежат в устроенных в толще каменных стен ящиках. Система регулируемых по длине металлических тяг, соединяющих верхние и нижние балки, позволяет «настраивать» всю конструкцию, держать ее в строго горизонтальном положении. Для того, чтобы легко передвигаться при необходимости ремонта или регулировки тяг, в помещении

уложен «черный» пол. А уже под ним находится собственно потолок зрительного зала — набор щитов из тонких, в сантиметр, дощечек. На щиты и наклеен холст с росписью.

Оступившись, я довольно шумно шагнул вперед.

— Т-с-с — остановил меня Кондратенко. — В зале все слышно!

Деревянный потолок чутко реагировал на любое к нему прикосновение.

Казалось бы, к чему в наши дни такие сложности? Не проще ли заменить дерево металлом, возвести из тонкой бетонной оболочки новый потолок...

— Вот-вот, — рассмеялся Кондратенко. — Именно это предложили нам при ремонте здания в 1969—1970 годах. Мы ответили, что после такой «реконструкции» можно спокойно закрывать театр — характерная для зала изумительная акустика будет утрачена навсегда.

— Присмотритесь внимательно к конструкции потолка, — продолжал Павел Петрович. — Он представляет собой огромную деревянную, причем очень тонкую, плоскость, в центре которой сделано круглое отверстие. Похоже на верхнюю деку гитары или балалайки, не правда ли? Вот такой «декой»

служит и потолок, высота которого над уровнем партера, размеры отверстия в центре строжайшим образом рассчитаны. Он как бы «поет», усиливая и одновременно смягчая звуки, поступающие из оркестровой ямы и со сцены.

В дальнейшем нашем разговоре выяснилось, что малейшие сбои или неполадки в системе «фермы — потолка» тотчас ухудшают акустику зала, звучание голосов певцов, хора, оркестра. Например, в партере появляются «провалы», в которых почти ничего не слышно.

— Нет, — раздумывал Кондратенко, — в таком зале ничего трогать нельзя. В нем все взаимосвязано. И нам остается лишь бережно сохранять и поддерживать в должном порядке уникальные инженерные сооружения середины прошлого века.

Почему помещение, в котором мы находились, названо «люстровой», мне было ясно. Из него — прямая путь к люстре. Но вот что касается самой хрустальной красавицы...

Тут же последовала справка. В люстре 215 лампочек,

..Мы ПОКЛИНУЛИ «люстровую». Электрик тщательно запер двери. Спустился вниз, я думал о том, насколько сложно и одновременно «деликатно» такое внешне «простое» хозяйство оперного театра, как деревянный потолок с подвешенной под ним люстрой...

все включаются одновременно. Диаметр ее — 3,5 метра, весит она 1.200 килограммов (тонна с лишним над головой — не шутка!), из которых 400 приходится на золоченую бронзу и 800 на идеально ограниченный хрусталь. Под потолком ее удерживают стальные тросы, концы их закреплены на ручной лебедке. Раз в год старинный механизм приходит в движение, люстру медленно опускают в партер. Затем бронзу и хрусталь осторожно промывают. — Это ж сколько времени надо!

— Конечно, — подтвердил Кондратенко. — Поэтому и проводим операцию «люстра» летом, когда театр закрыт.

— А как меняют перегоревшие электролампочки?

— Видите, легкая металлическая лесенка? Вниз, в люстру. Там смонтированы незаметные издалека ажурные мостики. Электрик спускается туда и заменяет лампы.

— Страшновато! — признался я, глянув в зрительный зал.

— Еще был! Высота пятиэтажного дома.

Б. МЕТЛИЦКИЙ